

КРИТИКА.

I.

Н. В. Лысогорскій. Единоверіе на Дону въ XVIII—XIX в. (по 1883 г.). Сергіевъ-Посадъ. 1915. Цѣна 6 рублей.

Какъ Церковь должна относиться къ приверженцамъ старыхъ обрядовъ, содержащимъ въ чистотѣ догматы вѣры, чтущимъ Св. Писаніе и не отвергающимъ Преданія, хранящимъ всѣ уставы Церкви, принимающимъ всѣ таинства, признающимъ необходимость трехчинной іерархіи, но изъ-за разности въ обрядахъ отдѣляющимся отъ Церкви и не покоряющимся представителямъ церковной власти? Не можетъ, конечно, православная Церковь оставаться совершенно безучастною къ старообрядцамъ, такъ какъ ея долгъ—обращать заблуждающихся на путь истины. Не можетъ она только мѣрами внѣшняго воздѣйствія принуждать отщепенцевъ къ единенію съ собою и къ покорности ей. Православными мисіонерами ведутся бесѣды съ старообрядцами; но эти бесѣды, сами по себѣ, по большей части, не въ состояніи сломить упорство тѣхъ, которые воспитаны въ чрезмѣрномъ уваженіи къ старымъ обрядамъ,—по понятію которыхъ употребленіе исправленныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ и отступленіе отъ старыхъ обрядовъ неизбѣжно ведутъ къ вѣчной гибели. Не можетъ церковная власть и противопоставлять старообрядчеству такое же упорство, какимъ страждутъ его послѣдователи. Необходимо было сдѣлать уступку „немошнымъ“ (Рим. 14, 1; 15, 1; 1 Кор. 9, 22); и православная Россійская Церковь сдѣлала эту уступку чрезъ учрежденіе единоверія въ 1800 г.: поборникамъ дониконовской церковной старины предоставлено право хранить старые обряды и от-

правлять богослуженіе по старымъ, неисправленнымъ книгамъ, при условіи подчиненія господствующей въ Россіи православной Церкви.

Послѣ учрежденія единовѣрія прошло болѣе ста лѣтъ. Въ высшей степени важно выяснить вопросъ, оправдала-ли (и въ какой мѣрѣ) жизнь тѣ предположенія и цѣли, которыя хотѣли осуществить учрежденіемъ единовѣрія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, важно знать и то, какія практическія указанія даны исторіею распространенія единовѣрія, какъ средства привлеченія старообрядцевъ въ лоно Православной Церкви, — знать, что способствовало развитію единовѣрія и что тормозило его успѣхи.

Отвѣты на эти вопросы даются въ диссертациі доцента Академіи Николая Васильевича Лысогорскаго, подъ выше приведеннымъ заглавіемъ. Авторъ изучилъ, по архивнымъ матеріаламъ, исторію единовѣрія на Дону въ XVIII—XIX в. (по 1883 г.) ¹⁾. Въ виду того, что наша литература какъ о единовѣрїи вообще, такъ и о единовѣрїи на Дону, въ частности, очень скудна и не имѣетъ почти никакого научнаго значенія, сочиненіе г. Лысогорскаго можно назвать первымъ опытомъ строго научнаго изслѣдованія исторіи единовѣрія. Какъ таковое, оно является и цѣннымъ вкладомъ въ исторію Русской Церкви. Сочиненію не предпослано указателя литературы на разныхъ языкахъ, въ немъ нѣтъ разноязычныхъ цитатъ, почти нѣтъ ссылокъ и на русскихъ изслѣдователей: авторъ работалъ исключительно по сырымъ матеріаламъ, пособій у него не было. Огромность этой работы легко себѣ представить, а о ея трудностяхъ можно судить по предисловію къ магистерской диссертациі того же автора: „Московский митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ противораскольнической дѣятель“. Ростовъ-на-Дону, 1905. Стр. 8 и слѣд.

Обширное сочиненіе г. Лысогорскаго состоитъ изъ краткаго (въ половину печатнаго листа) предисловія, трехъ главъ изслѣдованія (стр. 11—505) и приложеній (стр. 507—776). Глава I (стр. 11—144): „Единовѣріе въ области войска Донскаго во второй половинѣ XVIII в. и первой трети XIX вѣка“.

¹⁾ 3 Мая 1883 года Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ.

Изученіе авторомъ архивныхъ документовъ привело его къ тому заключенію, что единовѣрія на Дону за указанный періодъ не устанавливалось (стр. 66—67)—ни до изданія правилъ 1800 г., ни послѣ изданія ихъ. Идея единовѣрія была плодотворна лишь въ томъ отношеніи, что разрѣшеніе старыхъ обрядовъ православнымъ удерживало послѣднихъ отъ уклоненія въ расколъ. По замѣчанію автора, „въ... снисхожденіи епархіальныхъ архіереевъ къ немощамъ православныхъ можно... усматривать зачатки единовѣрія, поскольку единовѣріе состоитъ въ храненіи старыхъ обрядовъ при единствѣ въ догматахъ вѣры съ православною церковью и поскольку оно установлено для немощныхъ совѣстью“ (стр. 27). Но за этотъ періодъ разрѣшеніе старыхъ обрядовъ, при условіи подчиненія церковной власти, не служило средствомъ примиренія и сближенія старообрядцевъ съ Церковію.—Глава II (стр. 145—294): „Единовѣріе въ области войска Донского въ 1841—1867 г.“. Единовѣріе въ собственномъ смыслѣ открыто на Дону только спустя сорокъ лѣтъ послѣ изданія *правиль единовѣрія*. Архивные документы, тщательно изученные авторомъ, убѣждаютъ въ томъ, что за указанные годы донское единовѣріе развивалось слабо и было качественно малоцѣнно (стр. 190)—въ виду разнаго рода неблагоприятныхъ для роста единовѣрія обстоятельствъ, которыя будутъ указаны ниже.—Глава III (стр. 295—505): „Развитіе единовѣрія въ Донской епархіи въ 1867—1883 г.“. За этотъ послѣдній періодъ „донское единовѣріе проявляетъ замѣтный внѣшній ростъ и прогрессъ во внутренней своей части“ (стр. 295). Единовѣріе теперь является дѣйствительнымъ средствомъ привлеченія донскихъ старообрядцевъ въ ограду св. Церкви; предположенія и цѣли учредителей единовѣрія оказываются оправданными.

Таково, въ краткихъ словахъ, содержаніе диссертациі Н. В. Лысогорскаго. Не задаваясь цѣлью подвергать ее подробному критическому разбору, пишуцій намѣренъ отмѣтить тѣ пункты, которые въ особенности привлекли его вниманіе, и дать посильное разъясненіе того, какъ, на основаніи научно обследованныхъ фактическихъ данныхъ, рѣшаются авторомъ выше поставленные вопросы—о значеніи и смыслѣ единовѣрія, о его задачахъ и—въ особенности—объ условіяхъ его распространенія и развитія.

Лицъ, которыя заявляли о своемъ желаніи воспользоваться разрѣшеніемъ церковною властію старыхъ обрядовъ, можно раздѣлить на три категоріи. Первая категорія—приверженцы старыхъ обрядовъ (большую частію, только нѣкоторыхъ; чаще всего,—двуперстія) изъ православныхъ. Въ главѣ I сочиненія Н. В. Лысогорскаго указано нѣсколько фактовъ, когда православные обращаются къ преосвященнымъ съ ходатайствами о разрѣшеніи для нихъ употребленія нѣкоторыхъ старыхъ обрядовъ. Такъ, въ станицѣ Кагальницкой около половины XVIII в. освящена церковь съ хожденіемъ посолонь (стр. 12). Равнымъ образомъ, посолонь же была освящена церковь въ станицѣ Кумшадкой и разрѣшено, по просьбѣ казаковъ станицы Пятиизбянской, хожденіе по солнцу при совершеніи обрядовъ таинства крещенія и брака (стр. 21). Были и другіе подобные факты. Настоятельность просьбъ о разрѣшеніи употребленія старыхъ обрядовъ или—и старопечатныхъ книгъ (стр. 25) ясно показываетъ, что отказъ епархіальнаго начальства или высшей церковной власти въ удовлетвореніи подобнаго рода просьбъ могъ бы повести къ уклоненію просителей въ расколъ.—Въ приходахъ, гдѣ есть старообрядцы, немало можно встрѣтить и теперь православныхъ, крестящихся двуперстно ¹⁾: было бы большою ошибкою настаивать на томъ, чтобы всѣ православные въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, непременно отказались отъ двуперстія. Факты, подобные описаннымъ въ главѣ I разсматриваемаго сочиненія, теперь уже невозможны: существованіе православныхъ приходовъ, во всемъ тяготящихся къ стари-

¹⁾ Пишущему эти строки (на самыхъ первыхъ порахъ служенія въ приходѣ, зараженномъ расколомъ старообрядчества) пришлось напутствовать православную женщину, которая съ особенною тщательностію слагала персты для крестнаго знаменія по-старообрядчески. На выраженное мною недоумѣніе, она объяснила что ея родители—православные, давно умершіе—заповѣдали ей креститься двуперстно; въ дѣтствѣ пріучали ее къ такому именно сложенію перстовъ, связывая пальцы правой руки соотвѣтствующимъ образомъ. При ближайшемъ знакомствѣ съ приходомъ, въ числѣ прихожанъ оказалось немало крестившихся двуперстно: они, потомки старообрядцевъ, во всемъ подчинились Церкви, отрѣшились отъ раскольнической исключительности, но двуперстіе сохранили. Учащіеся въ школѣ войскового вѣдомства, дѣти православныхъ родителей, иногда читали молитвы съ особенностями, принятыми у старообрядцевъ: возставать слишкомъ рѣшительно противъ этого также было бы рискованно.

нѣ, невѣроятно; однако, частичное допущеніе старыхъ обрядовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, безусловно необходимо.

Въ сочиненіи Н. В. Лысогорскаго, далѣе, выступаетъ другая категорія лицъ, которыя упорно чуждаются Церкви, не хотятъ и думать о примиреніи съ нею и подчиненіи ей; но которыхъ желаніе получить отъ Церкви закономъ признаваемое священство побуждало обращаться съ просьбами къ преосвященнымъ владыкамъ, — показывать видъ, что они признаютъ необходимость подчиненія церковной власти, выражать готовность стать единовѣрцами. Изученіе архивныхъ матеріаловъ привело автора къ убѣжденію въ томъ, что до начала 40-хъ годовъ XIX столѣтія, въ предѣлахъ области войска Донскаго, единовѣріе не служило цѣлямъ сближенія старообрядцевъ съ православіемъ, не располагало упорствовавшихъ къ подчиненію Церкви, снисходительно разрѣшавшей имъ употребленіе излюбленныхъ ими старыхъ обрядовъ и по воссоединеніи съ нею. По изложеннымъ въ разсматриваемомъ сочиненіи фактамъ, расколъ стремится получить законную іерархію, не сближаясь съ Церковію (стр. 29—30, 40—42, 63, 111, 121, 143—144); старообрядцамъ этой категоріи нужно было не то, что предлагалось правилами единовѣрія 1800 г. Безразлично—отъ церковной или отъ гражданской власти (см. стр. 34) старообрядцамъ нужно было одно: получить священниковъ, законно поставленныхъ и имѣющихъ право на открытое совершеніе богослуженія; но эти священники должны были держаться строго раскольническихъ взглядовъ на отношеніе старой вѣры къ „никоніанству“.

Тѣ, наконецъ, лица и общества, которыя открыто заявляли о своемъ желаніи оставить расколъ и переходили въ единовѣріе, не всегда руководились чистыми побужденіями; искренность ихъ подлежала сомнѣнію; искавшіе единенія съ Церковію иногда достигали чрезъ то какихъ-нибудь стороннихъ цѣлей, не думая оставлять „старую“ вѣру. Изученные г. Лысогорскимъ факты показываютъ, что „всега чаще желаніе принять единовѣріе соединялось съ вопросомъ о бракѣ“ (стр. 191). Такъ, „въ 1844 г. присоединились изъ раскола къ единовѣрію и вступили въ бракъ по обрядамъ единовѣрія 150 человекъ. Отъ того же года имѣются еще 16 подписокъ присоединившихся къ единовѣрію и повѣнчан-

ныхъ въ единовѣрческой церкви“. Такое число присоединеній, сопровождавшихся повѣнчаніемъ присоединенныхъ, по замѣчанію автора, „вынуждаетъ исключать случайное совпаденіе желанія единовѣрія и вступленія въ бракъ“ (стр. 192). Переходившимъ въ единовѣріе, очевидно, нужно было оформить вступленіе въ брачный союзъ, придать ему законность и прочность ¹⁾. И другіе чисто житейскіе расчеты нерѣдко побуждали старообрядцевъ переходить въ единовѣріе. Характеренъ, напр., слѣдующій фактъ, сообщаемый въ сочиненіи Н. В. Лысогорскаго, на основаніи одного изъ дѣлъ Донской духовной консисторіи: „раскольникъ Андрей Чеботаревъ, казакъ Аксайской станицы, присланный шефомъ корпуса жандармовъ къ войсковому атаману для водворенія на мѣсто жительства, съ установленіемъ надзора надъ нимъ, выразилъ желаніе принять единовѣріе. Когда же выяснилось, что для этого ему придется ѣхать въ станицу В.—Каргаль-

¹⁾ Пишущему эти строки немало приходилось имѣть дѣла со старообрядцами и старообрядками, заявлявшими о своемъ желаніи кривать православіе именно ради совершенія брака по обрядамъ православной Церкви. Чаще всего это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда православные женихъ или невѣста отказывались вѣнчаться въ старообрядческой молельной со старообрядкою или старообрядцемъ. Опытъ показалъ, что не всегда этого рода обращенія были лицемѣрными; не всегда обратившіеся ради повѣнчанія по обрядамъ православной Церкви въ скоромъ времени отпадали въ расколъ. Часто таковыя становились примѣрными членами православнаго прихода. Иногда обращали на себя вниманіе, при такихъ присоединеніяхъ, нѣкоторые главы семействъ—старообрядцы, разрѣшавшіе своимъ сыновьямъ или дочерямъ переходить въ православіе и потомъ тщательно слѣдившіе за тѣмъ, чтобы перешедшіе обязательно посѣщали православный храмъ и со всеми религіозными нуждами обращались къ православному священнику. Есть основаніе полагать, что таковыя доживали свой вѣкъ въ старообрядчествѣ, скрѣпя сердце,—страшась, напр., отступить отъ завѣщанія родителей, которое, по ихъ мнѣнію, не обязывало ихъ и своихъ дѣтей удерживать въ расколѣ. Были примѣры исключительной раскольниковской вѣротерпимости, когда въ одномъ семействѣ насчитывалось до 4—5 различныхъ „упований“. Здѣсь, безъ сомнѣнія, религіозные интересы всецѣло подчинены были матеріальнымъ расчетамъ: если старикъ, раскольникъ австрійскаго согласія, находилъ, что православная дѣвица можетъ составить подходящую партію для его сына, онъ давалъ согласіе на переходъ его въ православіе и повѣнчаніе по православному обряду; а если для другого сына подходящая невѣста оказывалась въ семьѣ безпоповца, онъ ничего не имѣлъ противъ перехода сына въ безпоповщинскую секту въ томъ случаѣ, когда невѣста не соглашалась выйти за „австрійца“.

скую, верстѣ за 150, онъ предпочелъ изъ-за дальности пути единовѣрію православіе. Такимъ образомъ изъ-за одного гнета казакъ соглашается на единовѣріе, изъ-за другого неудобства принимаетъ православіе. Тутъ убѣжденія, повидимому, отходятъ на второй планъ“ (стр. 193—194 и прим. 1). Подобнаго рода факты сообщаются и на стр. 192—193. Принимали иногда единовѣріе для того, чтобы воспользоваться правами, которыхъ лишены были старообрядцы. Такъ „хорунжій Ѳедотъ Самохинъ и урядникъ Антонъ Самохинъ, числившіеся единовѣрцами, по секретному дознанію священнослужителей Чернышевской станицы, принадлежали къ расколу. Присоединились же къ единовѣрію, по мнѣнію священнослужителей, съ цѣлью „занять общественныя должности станичнаго атамана и поселковаго атамана“ (стр. 446) ¹⁾.

Старообрядческія общества, искавшія единенія съ Церковію чрезъ единовѣріе, также, по большей части, руководились только желаніемъ получить священника, служащаго по старымъ книгамъ и признаваемаго закономъ въ своемъ званіи, а о дѣйствительномъ единеніи съ Церковію не думали. На стр. 199 изслѣдованія г. Лысогорскаго указаны слѣдующіе факты, показывающіе, насколько близки были къ Церкви старообрядцы, перешедшіе въ единовѣріе: „по словамъ одного престарѣлаго единовѣрца, на воротахъ каргальской единовѣрческой церкви на первыхъ порахъ была выставлена... особая „таблица“, воспрещавшая входъ въ храмъ „троеперстникамъ, брадобривцамъ“. То же лицо рассказываетъ такой характерный случай изъ первыхъ лѣтъ жизни донского единовѣрія: „когда я былъ мальчуганомъ, то видѣлъ, какъ во время вечерней службы о. Василій, войдя въ притворъ часовни, сталъ читать дѣдушкѣ Максиму Селиверстозичу прощеніе за то, что онъ участвовалъ и во всемъ общался на бракѣ съ православными“. По сообщеніямъ другого лица... единовѣрцы „по опредѣленіи къ нимъ перваго священника возили его къ раскольническому бѣглому попу подѣ исправу“. По дознанію, произведенному ростовскимъ благочиннымъ, нѣкоторые изъ значившихся въ спискахъ

¹⁾ Указанные факты имѣли мѣсто до Высочайше утвержденаго 3 Мая 1883 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, которымъ дозволялось, между проч., раскольникамъ занимать общественныя должности.

единовѣрцами, „за неимѣніемъ“ единовѣрческой церкви въ г. Ростовѣ, „затрудняются обращаться, по отдаленности, въ станицу Верхне-Каргальскую“. Въмѣсто поѣздокъ въ Каргалы они „охотно“ исполняютъ всѣ требы у простаго мужика—лжесвященника или уставщика“ (стр. 444—445). Многіе изъ старообрядцевъ, получая отъ Церкви законное священство, дѣлаются единовѣрцами по имени, но остаются старообрядцами въ душѣ:—не измѣняютъ своихъ взглядовъ на Церковь, которая, по ихъ мнѣнію, отступила отъ истины настолько, что въ ней стало невозможнымъ спасеніе. Вотъ примѣръ: „желавшіе принять единовѣріе старообрядцы., прося епархіальное начальство о передачѣ имъ православной верхне-чирской церкви... не стѣснялись высказываться предъ православными жителями В.—Чирской станицы, что „не пустятъ въ оную ни одного (по ихъ выраженію, табачника) православнаго“ (стр. 311). Такимъ образомъ, старообрядцы, и соглашаясь перейти въ единовѣріе, чаще всего не могутъ отрѣшиться отъ мысли о неизмѣнности старыхъ обрядовъ и спасительности ихъ только, а не новыхъ, которые содержитъ господствующая Церковь. Сломить вѣковое предубѣжденіе таковыхъ противъ православія можно только съ большою постепенностію,—дѣйствуя съ особенною внимательностію, осторожностію и знаніемъ дѣла. Несразу старообрядцы могли проникнуть въ сущность единовѣрія, несразу стали относиться съ довѣріемъ къ представителямъ церковной власти; и по открытіи единовѣрія на Дону, они продолжаютъ нѣкоторое время въ сношеніяхъ съ ними хитрить и лицемерить. Только съ 1867 г. обстоятельства благоприятствуютъ росту единовѣрія на Дону. За періодъ времени съ 1867 по 1883 г., „при дѣятельномъ руководствѣ донскихъ епархіальныхъ архіереевъ, совершается успѣшное развитіе единовѣрія въ Донской епархіи“—замѣчаетъ авторъ въ концѣ изслѣдованія (стр. 504). Подъ вліяніемъ миссіонерскихъ бесѣдъ, въ сознаніи старообрядцевъ, ищущихъ сближенія съ Церковію, уясняется постепенно истинный смыслъ единовѣрія; при болѣе внимательномъ отношеніи власти къ нуждамъ единовѣрцевъ, упорядочивается и внѣшнее положеніе единовѣрческихъ приходо́въ. Единовѣріе развивается и усиливается, становясь дѣйствительнымъ средствомъ обращенія старообрядцевъ на путь сближенія съ Церковію и подчиненія ей.

Обратимъ теперь вниманіе на тѣ лица и учрежденія, которымъ въ дѣлѣ развитія и упроченія началъ единовѣрія принадлежить, въ различной мѣрѣ, активная роль. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ, каково было отношеніе къ единовѣрью епархіальныхъ преосвященныхъ, подвѣдомыхъ имъ органовъ епархіальнаго управленія и приходскихъ священниковъ, а также—свѣтскихъ учреждений и лицъ, которыя могли, до нѣкоторой степени, и содѣйствовать и препятствовать развитію единовѣрія. Самое важное значеніе въ указанномъ отношеніи имѣли, безъ сомнѣнія, противораскольническіе миссіонеры и единовѣрческіе священники. Что касается епархіальныхъ преосвященныхъ, то ихъ отношеніе къ единовѣрью, по книгѣ г. Лысогорскаго, характеризуется съ положительной стороны ихъ разумною снисходительностію къ немощнымъ—въ разрѣшеніи старыхъ обрядовъ даже православнымъ, которые, при другомъ отношеніи къ нимъ, могли бы, ради сохраненія старыхъ обрядовъ, совратиться въ расколъ (стр. 24—26 и др.). Съ другой стороны, можно отмѣтить излишнюю довѣрчивость, недалновидность и непониманіе истинныхъ цѣлей старообрядцевъ, ищущихъ единенія съ Церковію (стр. 30, 41 и др.). Были факты недостаточнаго внимательнаго отношенія преосвященныхъ къ нуждамъ единовѣрческой церкви и причта (стр. 155—156) и отступленія отъ правилъ единовѣрія (стр. 195, 198). Все это, впроч., касается двухъ первыхъ періодовъ исторіи единовѣрія на Дону. За третій же періодъ (1867—1883 годы),—главнымъ образомъ, внимательное отношеніе къ единовѣрью донскихъ преосвященныхъ (архіепископовъ Платона, Александра и Митрофана) обусловливало успѣхи единовѣрія въ Донской епархіи.

Отношеніе къ единовѣрью духовныхъ правленій и консисторій ¹⁾,—по крайней мѣрѣ, за два первые періода, характеризуется въ сочиненіи г. Лысогорскаго, по большей части, отрицательными чертами, каковы: недостатокъ внимательности къ нуждамъ единовѣрцевъ (стр. 175, 203), чисто формальное отношеніе къ дѣламъ о единовѣрїи (стр. 179, 202), небрежность въ дѣлопроизводствѣ (стр. 209); немало указано фактовъ, свидѣтельствующихъ о забвеніи правилъ единовѣ-

¹⁾ Донская область входила въ составъ Воронежской епархіи до 1829 года.

рія и несоблюденіи ихъ (стр. 199—200, 210, 212—213, 238—239, 249). Необходимо было „дѣятельное руководство“ пресвященныхъ для устраненія ненормальностей въ отношеніяхъ къ единовѣрію органовъ епархіальнаго управленія; и съ архіепископа Платона указанныя ненормальности постепенно устраняются.

Мы видимъ, что старообрядцы, и переходя въ единовѣріе, нескоро отрѣшаются отъ своихъ прежнихъ воззрѣній на обряды, продолжаютъ враждебно относиться къ православію, какъ уклоненію отъ „древляго благочестія“, оказываются неспособными проникнуть въ сущность единовѣрія. Но опытъ показалъ, что и православные священники не всегда могли опѣнить по достоинству единовѣріе, какъ единеніе въ вѣрѣ при различіи въ обрядахъ, и нѣкоторые относились къ нему отрицательно (стр. 297—298). А для успѣховъ единовѣрія важно было отношеніе къ нему и приходскихъ священниковъ. Столкновеніе интересовъ единовѣрческихъ и православныхъ причтовъ также служило немалымъ препятствіемъ для развитія единовѣрія. Н. В. Лысогорскій пишетъ: „единовѣрческій приходъ врѣзывался въ православные приходы, и православнымъ причтамъ всегда могло казаться, что единовѣрческій приходъ существуетъ насчетъ православныхъ, тѣмъ болѣе, что раскольники платили нѣкоторые сборы православному духовенству. Естественно было ожидать разныхъ треній при обращеніи за необходимыми свѣдѣніями къ православнымъ священнослужителямъ. Можетъ быть, поэтому единовѣрческій причтъ, начиная свои отношенія къ новоприсоединяющимся, предпочиталъ добывать свѣдѣнія о вѣрѣ ихъ въ станичныхъ правленіяхъ. Разумѣется, этотъ обходъ нарушалъ обычный порядокъ, существовавшій между причтами приходскихъ церквей, и до нѣкоторой степени обижалъ окрестное духовенство, вызывая у него чувство непріязни по отношенію къ единовѣрческому причту и единовѣрію вообще“ (стр. 236—237, см. также стр. 248, 272, 284, 481—482).

Немалое значеніе въ дѣлѣ распространенія единовѣрія могло имѣть, безъ сомнѣнія, и войсковое начальство. Здѣсь необходимо отмѣтить взглядъ на расколъ атамана Платова (героя отечественной войны): онъ относится къ нему всецѣло отрицательно, но—смотря на него „не съ религіозной, а съ чисто государственной точки зрѣнія“. Въ своемъ отзывѣ

епархіальному начальству по дѣлу старообрядцевъ, искавшихъ единенія съ Церковію, при старомъ обрядѣ, Платовъ пишетъ: „...весьма примѣчено и примѣтно, что люди старообрядческаго исповѣданія бывъ и между собою раздѣлены разными статьями расколовъ и суевѣрій, никогда не имѣютъ ни развязности ни духу нужнаго военному человѣку, но всегда поработясь конечно по предразсудкамъ своимъ бываютъ слабы и унылы такъ, что до сихъ поръ не было еще примѣра, и судя по основанію ихъ умствованія, утвердительно можно сказать, что и не будетъ, чтобы изъ настоящихъ старообрядцевъ кто-либо былъ храбръ, а завестъ и въ самыхъ полкахъ ссоры и толки оскорбительныя службѣ всегда ихъ было дѣло... Состояніе раскольника въ военномъ народѣ терпимо совсѣмъ быть не можетъ“. Замѣчательно, что въ данномъ случаѣ „епархіальное начальство послѣдовало за мнѣніемъ военной власти, вмѣсто того, чтобы помочь просителямъ“... которые „не объ отдѣленіи хлопотали, а о присоединеніи къ Церкви“... Этотъ „отзывъ войскового начальства, во главѣ съ войсковымъ атаманомъ Платовымъ, надолго предрѣшалъ и на будущее время исходъ ходатайствъ ревнителей старины о снисхожденіи въ старомъ обрядѣ“ (стр. 124—127). Вообще казачье начальство, въ противоположность излишней довѣрчивости епархіальныхъ преосвященныхъ, относилось къ искателямъ законнаго священства, при сохраненіи старыхъ обрядовъ, недовѣрчиво и недоброжелательно (стр. 35—37). Въ связи съ этимъ, можно замѣтить, что высшая войсковая власть содѣйствовала духовной, напр., въ ограниченіи дѣятельности старообрядческихъ поповъ; тогда какъ станичные атаманы имъ покровительствовали (стр. 53, прим.). Это послѣднее обстоятельство, конечно, объясняется тѣмъ, что станичные атаманы могли быть заражены расколомъ или старались угодить вліятельнымъ членамъ общества изъ приверженцевъ старой вѣры. Высшіе представители военной власти не всегда, впрочемъ, съ предубѣжденіемъ относились къ старообрядчеству. Такъ, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ—Таврической, которому донскіе казаки подчинялись съ 1775 г. по 1782, снисходительно смотрѣлъ на старообрядцевъ и въ просьбѣ, напр., старообрядцевъ, ходатайствовавшихъ предъ войсковымъ начальствомъ и преосвященнымъ Воронежскимъ „о дозволеніи имъ поставить

въ ихъ станицахъ молитвенные храмы и при нихъ имѣть для ихъ нуждъ поповъ и діаконовъ., которые бѣ всякое священнодѣйствіе совершали по старопечатнымъ книгамъ“, но, повидимому, не думавшихъ о подчиненіи Церкви, „усматривалъ элементы, благопріятствовавшіе ихъ сближенію съ церковью“ (стр. 34—36 и прим. 3 къ стр. 35).

Наиболѣе важное значеніе въ дѣлѣ развитія единовѣрія, естественно, должны имѣть миссіонеры и единовѣрческіе священники, какъ лица, имѣющія непосредственныя сношенія съ поборниками старыхъ обрядовъ,—упорствующими въ своемъ отчужденіи отъ Церкви и съ тѣми изъ нихъ, которые вступили въ единеніе съ нею. Миссіонерская дѣятельность извѣстнаго единовѣрческаго игумена (впослѣдствіи—архимандрита) Павла Прусскаго и на Дону сопровождалась значительными успѣхами. Въ одномъ случаѣ, Н. В. Лысогорскій, какъ изслѣдователь осторожный, замѣчаетъ, что „свѣдѣнія о полной успѣшности бесѣдъ Павла имѣютъ относительную цѣнность, какъ исходящія отъ самого Павла“ (стр. 381). Но въ его же сочиненіи собрано множество указаній на то, что бесѣды знаменитаго миссіонера въ значительной мѣрѣ способствовали ослабленію раскола, приводя многихъ старообрядцевъ въ ограду Церкви чрезъ единовѣріе. Мы видимъ, что бесѣды о Павла желаютъ священники зараженныхъ расколомъ приходовъ (стр. 749, 751, 752, 759). По замѣчанію автора, „приходскому духовенству бесѣды о Павла, несомнѣнно, приносили существенную пользу, составляя для него практическую школу умѣлаго веденія разсужденій о вѣрѣ съ раскольниками“ (стр. 356). Старообрядцы вообще, за рѣдкими исключеніями, относились къ бесѣдамъ о Павла „съ глубокимъ интересомъ“ (стр. 355—356). Старообрядцы Пятиозбянской станицы даже обращаются къ архіепископу Александру съ просьбою о приглашеніи для собесѣдованій съ ними игумена Павла (стр. 720—721). „Разбираясь въ психологію своего обращенія, сами единовѣрцы, по главнѣйшему воздѣйствію на нихъ выставляли „виновникомъ“ своего „раскаянія досточтимаго игумена отца Павла, выведшаго ихъ изъ тьмы заблужденія на путь истины“ (стр. 365, сн. 709—710). Результатомъ бесѣдъ игумена Павла съ раскольниками было значительное число присоединеній къ единовѣрію (стр. 334—335, 357, 738—740). Какъ противорасколь-

нической дѣятельности—миссіонеръ, игуменъ Павелъ былъ не одинокъ: на Дону ему помогали и другія лица, каковы: священникъ Киселевъ (стр. 352, 357 и др.) и его сотрудникъ Любакинъ (стр. 353), священникъ Колышкинъ (стр. 365), іеромонахъ Іоакимъ ¹⁾. Всѣмъ имъ принадлежала, при Павлѣ, второстепенная роль.

Единоувѣрческій священникъ Кузнецовъ, прослужившій долгіе годы при В.-Каргальской единоувѣрческой церкви (съ самаго открытія единоувѣрческаго прихода въ 1841 г.),—образецъ такого священника, какимъ, въ особенности, не долженъ быть священникъ единоувѣрческой. Первому единоувѣрческому священнику, безъ сомнѣнія, должна была принадлежать выдающаяся роль въ дѣлѣ развитія единоувѣрія на Дону, какъ замѣчаетъ авторъ (стр. 223). Но Кузнецовъ не способствовалъ и не могъ способствовать развитію единоувѣрія (стр. 223—225). Въ разсматриваемомъ сочиненіи часто говорится то о незаконномѣрныхъ его дѣйствіяхъ и о нарушеніи имъ правилъ единоувѣрія (стр. 235—247), то о сопротивленіи распоряженіямъ епархіальнаго начальства, то объ отсутствіи въ немъ миссіонерской инициативы и о шаткости его религіозныхъ убѣжденій (стр. 235). Жители В.-Каргальской станицы, ходатайствуя объ опредѣленіи къ нему священникомъ Кузнецова, аттестовали его съ наилучшей стороны; но въ этой аттестаціи указаны такія качества, которыми Кузнецовъ не обладалъ, а только долженъ былъ обладать: аттестація цѣликомъ списана съ 1 посл. Ап. Павла къ Тимоѳею (3, 2 и дал.,—стр. 158—159). Впослѣдствіи оказа-

¹⁾ Послѣдній, въ своей дѣятельности, иногда руководился побужденіями, къ развитію единоувѣрія никакого отношенія не имѣющими. Напримѣръ: Іоакимъ ходатайствуетъ предъ епархіальнымъ начальствомъ о разрѣшеніи православнымъ „посѣвщикамъ“, арендовавшимъ участки изъ войсковой запасной земли и жившимъ небольшими хуторами, обращаться съ своими духовными нуждами въ скачковскую единоувѣрческую церковь, которою онъ завѣдывалъ, какъ ближайшую. При дальнѣйшемъ выясненіи этого дѣла, по распоряженію архіепископа Платона, самъ же Іоакимъ вынужденъ былъ внести въ свое ходатайство существенную поправку, объяснивъ, что одинъ изъ хуторовъ, о причисленіи которыхъ къ приходу скачковской церкви онъ ходатайствовалъ, находится отъ нея въ разстояніи почти вдвое больше, нежели отъ ближайшей православной (стр. 472—474).

лось, что „по своимъ нравственнымъ качествамъ Кузнецовъ... далеко былъ отъ того, чтобы располагать къ вступленію въ новообразовавшееся руководимое имъ общество“ (стр. 226). Начальство знало о недостаткахъ Кузнецова (стр. 231), но вынуждено было, за отсутствіемъ достойнаго замѣстителя, терпѣть его долгіе годы; только въ концѣ 1872 г. Кузнецовъ уволенъ отъ должности, съ запрещеніемъ въ священнослуженіи и преданіемъ уголовному суду за подлоги (стр. 453, прим. 1; стр. 467). Помимо другихъ недостатковъ священника Кузнецова, особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на то, что онъ, повидимому, по своимъ убѣжденіямъ былъ ближе къ расколу, нежели къ православію. Это о немъ сообщаютъ старожилы, что его возили къ раскольниковскому бѣглому попу подъ исправу, по опредѣленіи его единовѣрческимъ священникомъ,—конечно, не безъ его согласія. Это онъ читалъ прощеніе единовѣрцу за общеніе съ православными на бракъ (стр. 199 и 225). Кромѣ того, „сохранилось... документальное свидѣтельство о нетвердости убѣжденій перваго единовѣрческаго священника. Въ 1848 г. пр—ный Іоаннъ вызывалъ къ себѣ лично Кузнецова для выясненія, гдѣ онъ беретъ св. дары, которыми приобщаетъ больныхъ. И Кузнецовъ сознался пр. Іоанну „въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя необходимо должны были вести къ заключенію, что онъ Кузнецовъ, болѣе придерживается раскола и принимаетъ ложныя его таинства, нежели исполняетъ данныя закономъ и церковію для единовѣрческихъ церквей правила“ (стр. 225). Наконецъ, въ официальныхъ документахъ Кузнецовъ именовалъ себя „старообрядческимъ“ священникомъ (стр. 265 269). Но если таковъ единовѣрческій священникъ, то что же будетъ его паства, какъ не особый толкъ въ старообрядчествѣ? Пожелаетъ ли и будетъ ли въ состояніи такой священникъ вести борьбу съ раскольнической пропагандой среди единовѣрцевъ?..

Исчерпать все содержаніе огромнаго труда Н. В. Лысогорскаго нѣтъ возможности въ краткомъ обзорѣи; но и изъ изложеннаго здѣсь можно убѣдиться въ томъ, что книга представляетъ интересъ не для миссіонеровъ и историковъ Русской Церкви, но и заслуживаетъ вниманія всякаго образованнаго читателя. Для Донской епархіи, а отчасти и для смежныхъ съ нею епархій Астраханской и Саратовской, въ